

мол можно, а мне неудобно, назовут-де безбожником и т. п. Таковы всегда их примеры, вынуждавшие и Хом(якова), и брата, и меня, и Самарина воздерживаться в печатной полемике от вопроса религиозного. Но то время было иное, а теперь это лишь увертка, ответ неискренний и недобросовестный. И рад я буду, если Вы, мне дорогой и искренно-чтимый Федор Михайлович, проторите дорогу для откровенных бесед о том, в чем вся суть, — Вас можно упрекнуть только в том (но это уже, я думаю, органическое свойство), что Вы проявляете мало экономической порядительности мыслей и потому слов; слишком большое обилие первых, причем основная обставляется и иногда заслоняется множеством побочных; крупная черта подчас теряется в богатстве мелких. Еще пред взором читателя не выяснились линии всего здания, а Вы уже лепите детали. Этот недостаток свойствен художникам-мыслителям, у которых образ или мысль возникает со всеми частностями, во всей жизненности, [с] случайностями, разнообразными воплощениями, так что им очень мудро охолощать, так сказать, свою мысль или образ. Я как-то упрекал Льва Толстого, что у него все на первом плане, все одинаково сильно живет, тогда как в живописи, например, и в натуре для глаза — ярко видно лишь то, что на первом плане, а остальное по мере отдаления бледнеет, сереет. Что было бы, если б глаз о д и н а к о в о о т ч е т л и в о и ж и в о видел и близкое и на краю горизонта? Он бы дошнул. Так и Вы. Вы всегда даете читателю с л и ш к о м м н о г о з а р а з, и кое-что, по необходимости, остается недосказанным. Иногда у Вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, с п е р с п е к т и в о ю т а к о й н о в о й д а л и, что у иного читателя голова смущается и кружится, — и только скачок. Я это говорю на основании деланных мною наблюдений о впечатлении, произведенном Вашими статьями на большинство читателей. — Для меня понятен каждый Ваш намек, каждый штрих, — ну а для читателя вообще — слишком, повторяю, крупная порция.

Я слышал от Кошелева⁹, приехавшего в Москву на один день, что в август(овской) книжке «Р(усской) мысли» должна была появиться статья Юрьева¹⁰ не то, что против Вас, но по поводу Вас с некоторым возмущением. Да и он сам (Кошелев) марнул было статейку на тему о смирении и гордости: слишком-де превозносите р(усский) народ и т. д.¹¹ Статьи я не читал, но я заметил ему только, что эта самая забота о том, чтобы не оскорбить своею неискренностью самолюбие и достоинство других национальностей, — только подтверждает мысль Достоевского: такой заботы не проявит ни англичанин, ни немец, и она пуще всего свидетельствует о чувстве всебратства. Не знаю, убедился ли он моими словами, только в августовской книжке нет никаких статей. Напомнил я ему также стихи Хомякова о ключе, бьющем в груди России, «сокрытом, но могучем»:

И он журчит неумолкаем,
Как тайна жизни невидим,
И чист, и миру чужд, и знаем
Лишь богу, да его святым.¹²

Для русского человека родство племенное, физиологическое очень мало значит, какой-нибудь п р а в о с л а в н ы й Кюлки фон Клугенау (был такой генерал)¹³ ему совсем родной брат, а католик Голицын¹⁴ — чужд. Одним словом, для него определение его национальности совпадает с православием, другими словами, с Христианством, ибо в другой форме он его не знает. Мудрено написать воззвание к рус(скому) народу, как его пишут в других странах: Francaes * или «британцы!» — «Русские!» не годится, самый язык не терпит. А на всех сходках ежедневно по всему пространству России — держатся речи с возванием: «Православные».

* Французы.